

Научная статья

УДК 343.13

EDN HCKPWG

DOI 10.17150/2411-6122.2025.2.59-69

Мыслительная деятельность следователя на предварительном следствии с участием несовершеннолетних и возможность ее замены искусственным интеллектом

Ю.В. Лебедева

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Новосибирск, Российская Федерация, lebedeva28031973@rambler.ru

Аннотация. Актуализируется значение «мыслительной деятельности следователя» при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних, выделяется ее специфика по сравнению с искусственным интеллектом, способным выполнять вспомогательную функцию при расследовании преступлений. Раскрываются авторитетные мнения криминалистов, сформировавших теоретическую базу для формирования учения о «криминалистическом мышлении», представляющего его эффективность и функциональность в решении «следственных задач», в котором отводится особая роль интуиции, и определено значение других психических процессов при расследовании преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Подчеркивается значение знаний о возрастных особенностях несовершеннолетних, необходимых следователю для эффективного производства по уголовным делам, участниками которых являются несовершеннолетние. Представлен авторский взгляд на возможность «замены» мыслительной деятельности следователя на деятельность искусственного интеллекта в работах доктора психологических наук О.К. Тихомирова.

Ключевые слова: расследование преступлений, мыслительная деятельность следователя, несовершеннолетние потерпевшие и свидетели, искусственный интеллект, установление психологического контакта, возрастные особенности, криминалистическое мышление.

Для цитирования: Лебедева Ю.В. Мыслительная деятельность следователя на предварительном следствии с участием несовершеннолетних и возможность ее замены искусственным интеллектом / Ю.В. Лебедева. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.2.59-69. — EDN HCKPWG // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 2. — С. 59–69.

Original article

Mental Activity of an Investigator During a Preliminary Investigation with the Participation of Minors and the Possibility of Substituting It with Artificial Intelligence

Yu.V. Lebedeva

Siberian Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, the Russian Federation, lebedeva28031973@rambler.ru

Abstract. The author discusses the meaning of the “mental activity of an investigator” during investigative actions involving minors and points out its specific features in comparison with artificial intelligence that could play an auxiliary role

in crime investigation. The article also presents opinions of authoritative criminalists who developed the theoretical basis for the doctrine of “criminalistic thinking”, which emphasizes its effectiveness and functionality in solving “investigative tasks”, giving a special role to intuition, and determines the significance of other mental processes in the investigation of crimes committed against minors. It is stressed that an investigator needs knowledge about age-specific features of minors to ensure effective proceedings in cases involving minors. The author presents her own view on the possibility of “substituting” mental activity of an investigator by artificial intelligence described in the works of Doctor of Psychology O.K. Tikhomirov

Keywords: crime investigator, mental activity of an investigator, underage victims and witnesses, artificial intelligence, establishing rapport, age-specific features, criminalistic thinking.

For citation: Lebedeva Yu.V. Mental Activity of an Investigator During a Preliminary Investigation with the Participation of Minors and the Possibility of Substituting It with Artificial Intelligence. *Sibirskie Ugolovno-Proцессуальnye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 2, pp. 59–69. (In Russian). EDN: HCKPWG. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.2.59-69.

В криминалистической науке, особое внимание уделяется мыслительной деятельности следователя, в производстве которого, находятся уголовные дела с участием несовершеннолетних. В этих случаях мышление следователя направлено на: выявление обстоятельств значимых для расследования; получение показаний от участников предварительного следствия (несовершеннолетних потерпевших и свидетелей); составление криминалистического портрета предполагаемого подозреваемого; формирование модели преступления; разработку стратегии расследования; установление психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем с учетом его возрастных особенностей; распознавание, определение психического состояния с целью устранения негативного влияния на несовершеннолетних участников в момент производства следственных действий на этапе досудебного производства.

Что же представляет собой «мыслительная деятельность следователя» и, какие психические процессы также участвуют в решении задач уголовного

судопроизводства, где участниками являются несовершеннолетние?

Поскольку криминалистике известно многообразие видов мышления, то возникает необходимость рассмотреть только те виды, которые наиболее значимы в профессиональной деятельности следователя, в которой по мнению Б.М. Теплова, «жесткие условия времени — одна из самых характерных особенностей работы практического ума» [1, с. 254]. Г.Г. Шиханцов, говоря о практическом мышлении следователя, утверждает, что «основным звеном практического мышления является анализ через синтез, который заключается в том, что в процессе мышления объект включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях: из объекта, таким образом, как бы черпается все новое содержание; он поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства». Автор также считает, что «на этапе поступления первичной информации, данных о преступлении, следователь анализирует ее для формирования версии (синтетического образования), построения пла-

на расследования, чтобы в «дальнейшем анализ добываемой информации осуществлялся уже с позиций данной версии» [2]. Мы считаем, что именно выдвижение одной единственной версии и разработка единственного плана действия, может привести следователя к мыслительному «тупику», поэтому для более эффективного расследования преступлений совершенных в отношении несовершеннолетних, им выдвигается несколько версий и разрабатывается несколько планов расследования, что требует от следователя, по мнению Г.Г. Шиханцова «большой гибкости и свободы ума» [2]. Еще об одной отличительной особенности практического мышления говорит Г.Г. Шиханцов, он считает, что аналитическая способность следователя предполагает, «умение видеть и обращать внимание на мельчайшие детали, выделять те из них, которые остаются незамеченными для поверхностного взгляда, но для данного дела имеют существенное значение» [2].

Г. Гросс (1847–1915) указывал, что «следователь должен обладать такой мыслительной системой, которая в процессе расследования преступления делает его поисково-познавательную деятельность четко нацеленной, тщательно осмысленной, уверенной, рациональной, последовательной и планомерной» [3, с. 29–30].

Многие отечественные ученые, результатами своих исследований сформировали теоретическую базу для учения о «криминалистическом мышлении», это, прежде всего такие ученые как Н.П. Яблоков [4, с. 156–159], А.Р. Ратинов [5], Ю.В. Чуфаровский [6], Д.В. Бахтеев [7, с. 216–222], С.Ю. Журавлев [8, с. 127–132], А.Б. Соколов [9, с. 68–72], П.А. Шамшиев [10, с. 226], Т.В. Шутемова [11, с. 128–132],

Т.С. Волчецкая, Е.В. Краснов [12, с. 95–97] и др. По мнению Т.С. Волчецкой, П.А. Шамшиева и Е.В. Краснова, «работа следователя требует гибкости ума, высокоразвитого творческого воображения, интуиции, умения логически мыслить, решать возникающие задачи на основе системного и ситуационного подхода» [12, с. 95–97]. Мы согласны с авторами, поскольку при взаимодействии с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями, следователь должен уметь быстро реагировать, «подстраиваться» под обстоятельства препятствующие проведению следственных действий и связано это с быстрой сменой настроения у несовершеннолетнего участника предварительного следствия, недопомоганием, связанным с резкими изменениями в организме несовершеннолетнего, его особенностями психики, неспособностью выстраивать коммуникации в незнакомой для него обстановке, с неразвитостью речи и других психических процессов. Мы считаем, что знания об возрастных особенностях несовершеннолетних, это неотъемлемая часть мыслительной деятельности следователя.

Появление термина «криминалистическое мышление» связывают с немецким ученым Г. Вальдером (1920–2005), который подчеркивает его специфику, определяемую «характером решаемых задач, и приравнивал его к интуиции» [12, с. 95–97]. Г. Вальдер считал, что «ситуация в целом может заставить нас интуитивно догадаться, что преступника следует искать неподалеку, при этом мы не смогли бы точно обосновать это предположение» [13, с. 150–151]. По мнению Д. Рзя, «криминалистическое мышление отвечает за решение информационных тайн, больше чем любой другой фактор» [14]. В его работах подчеркивается эффек-

тивность и функциональность криминалистического мышления, и термин «информационные тайны» вполне можно заменить на «следственные задачи» [12, с. 95–97].

Наиболее полно, по нашему мнению, понятие «криминалистическое мышление» следователя раскрывается у его основателя Г. Вальдера, поскольку он указывает на роль интуиции в «решении задач» приравнивая тем самым интуицию к «криминалистическому мышлению». Не однократно опытные практики (следователи), к конечному результату расследования приходили интуитивно, но необходимо понимать, как протекают процессы внутри «интуитивного мышления», осознается ли самим человеком данный процесс, имеются ли этапы внутри этого процесса, и участвуют ли другие психические процессы в интуитивном процессе мышления?

Г.Г. Шиханцов выделяет дискурсивное и интуитивное мышление, различая их по скорости протекания и осознанности всех звеньев процесса мышления, по его мнению, «дискурсивное мышление характеризуется тем, что его отдельные этапы отчетливо выражены, и думающий может рассказать о них другому человеку. В противоположность аналитическому, интуитивное мышление характеризуется тем, что в нем отсутствуют четко определенные этапы, и имеет тенденцию основываться, на свернутом восприятии всей проблемы сразу». Автор утверждает, что «человек достигает ответа, который может быть правильным или ошибочным, мало осознавая при этом (если вообще такое осознание имеет место) тот процесс, посредством которого он получил искомый ответ» [2]. Также при решении проблемной ситуации в акте интуиции (озарение, инсайт)

он выделяет значимость наглядного мышления, позволяющего сразу представить картину преступления во всех деталях и перипетиях событий при наличии исключительно развитого воображения (пространственного и временного). Пространственное воображение предполагает мысленный охват всех пространственных соотношений; умение «видеть» на воображаемой схеме (плане) все возможные комбинации, действия преступника. Важную роль в интуиции следователя играет и так называемое временное воображение, т.е. способность достаточно непосредственно представлять временное течение событий, по отдельным признакам воссоздавать в воображении их ритм и последовательность.

Изучая профессиональную деятельность следователя, решающего задачу по расследованию преступления совершенного в отношении несовершеннолетнего, в достаточно ограниченном временном пространстве, где следователь должен уметь быстро разбираться в сложившейся ситуации, находить правильное решение, и выдвигать следственные версии, необходимо помнить, что мышление не выступает как единственный психический процесс, а выражается в совокупности с другими психическими процессами такими как: восприятие, внимание, память, воображение и др.

В процессе расследования по уголовному делу, где участниками являются несовершеннолетние, в условиях недостаточности информации о способах совершения преступлений в отношении них, об обстоятельствах преступления, о личности преступника и его мотивах, именно интуиция, основанная на предшествующем опыте и полученных знаниях в предыдущих расследованиях, позволяет следователю «двигаться»

в правильном направлении, вести поиск преступника и быстро принимать решение. Поскольку проникновение в преступную ситуацию происходит не всегда с использованием логики, то выводы позволяющие выдвинуть версии осуществляется нередко на бессознательном уровне, интуитивном, человеком испытывающим озарение («инсайт»), но поскольку «инсайт» всегда находится в конце психологического процесса, то перед ним всегда осуществляется мыслительный процесс, в котором необходимые знания анализируются мгновенно, но без наличия опыта и творческих способностей субъекта расследования это становится невозможным. Тем не менее, процесс доказывания, осуществляемый следователем, инсайтом не завершается, «так как за последним необходимо должны следовать обоснование и проверка достоверности полученного интуитивного знания, что невозможно без использования логических средств» [2].

Когда мы говорим о мыслительной деятельности следователя, мы имеем в виду не только «мышление», но и «интеллект», поскольку интеллект реализуется исключительно в процессе мышления и устойчиво «закрепляется» как способность в структуре личности человека. Человеческий интеллект, в разные периоды существования человека являлся предметом изучения философов, педагогов, психологов, физиологов, нейрофизиологов и т.д. Не снижается интерес ученых к нему и на современном этапе развития криминалистики, когда осуществляется попытка «замещения» интеллекта человека, мыслительной деятельности следователя связанной с анализом информации поступающей в процессе производства по уголовному делу, искусственным интеллектом, способным обрабатывать

большой объем информации, которая поступает от следователя. Но нам известно, что уже при осмотре места происшествия, для анализа обстановки, следователь «включает» в работу все анализаторные органы (слух, зрение, осязание, обоняние), а как мы знаем, весь спектр деятельности анализаторов для искусственного интеллекта не свойственен, информацию он получает уже воспринятую человеком (следователем), осознанную и именно ее человек считает нужным «заложить» в программу. Искусственный интеллект в помощь следователю способен на основе заложенной информации выдвинуть версию и предложить единственно правильный алгоритм действий следователя, но мы же понимаем, что на практике, следователем, выдвигается несколько версий и по каждой разрабатывается свой план действия, а в случае поступления новой информации предыдущие версии и во все могут потерять свою значимость и тогда возникает необходимость разрабатывать новые версии. Способен ли, даже совершенный искусственный интеллект так «подстраиваться» к ситуациям, возникающим при расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних, воспринимать всю ситуацию в целом? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понимать, что же такое «искусственный интеллект».

Возникший в 70-х гг. прошлого века в СССР интерес к вопросам взаимодействия «человек-компьютер» позволит нам ответить на вопрос о возможности полной «замены» мышления следователя искусственным интеллектом. Профессором МГУ, доктором психологических наук О.К. Тихомировым, в рамках психологии компьютеризации, была выявлена специфика мышления человека по сравнению с реализуемыми компью-

тером информационными процессами; им были разработаны и обоснованы предложения по организации диалога в системе «человек-компьютер» в условиях опосредованного с компьютером общения. О.К. Тихомиров неизменно призывал к «развитию содружества информатики (как науки) и психологии» [15, с. 39–52]. Являясь с 1970 г. профессором факультета психологии МГУ, а с 1990 г. — заведующим кафедрой общей психологии, предметом своих исследований, О.К. Тихомиров определил психологию мышления, работал над психологической теорией, названной впоследствии «смысловой теорией мышления» (СМТ). В период 1970–1986 гг., в работах автора, неоднократно подчеркивается «своеобразие человеческого мышления и доказывающие несводимость его к тем процессам, которые реализуются в ЭВМ» [15, с. 39–52].

Невозможность «замещения» мыслительной деятельности следователя искусственным интеллектом объясняется не только отсутствием интуитивного мышления, формируемым при наличии органов чувств и развитых психических процессов (ощущение, восприятие, воображение, память), и наличия «инсайта», но также уникальной способностью следователя к критическому мышлению. Критичность мышления проявляется в деятельности следователя в случае достаточности доказательств указывающих на подозреваемого, а опыт и интуиция подсказывает ему, что именно совокупность фактов возможна лишь в случае спланированного преступления, целью которого «увести следствие в неправильном направлении. Все полученные доказательства необходимо проверять и перепроверять многократно, особенно в случае с несовершеннолетними,

возраст которых указывает на их повышенную внушаемость и зависимость от влияния взрослого, на их неспособность логично излагать последовательность осуществляемых в отношении него действий, что указывает на «заученность» текста показаний.

Рассмотрев многочисленные мнения ученых о мышлении следователя, необходимо понимать значимость искусственного интеллекта на современном этапе развития криминалистики при расследовании преступлений, но не для «замещения», а для помощи в деятельности следователя. Искусственный интеллект согласно действующему законодательству представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹. Президент РФ В.В. Путин отметил в своем выступлении на конференции по искусственному интеллекту, что «...нужно дать искусственному интеллекту больше данных, последовательно снимать подчас надуманные преграды для их использования, но при этом необходимо гарантировать безопасность, соблюдение интересов и прав граждан»². Как отмечал Д.В. Бахтеев, «криминалистика всегда отличалась высокой восприимчивостью к технологиям, потенциально полезным в выявлении и раскрытии

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

² Конференция по искусственному интеллекту // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003> (дата обращения 26.01.2025).

преступлений, так что рассмотрение перспектив использования искусственного интеллекта должно представлять для нее интерес» [16, с. 43]. По мнению А.Ю. Афанасьева, «потенциал искусственного интеллекта должен использоваться в той степени, которая позволит успешно реализовывать возложенные функции, а не в противовес имеющейся системе» [17, с. 30]. В.Б. Вехов, утверждает, что «исследуемые информационные системы базируются на типовой модели преступлений, выделяемых по различным криминалистическим основаниям, которая и позволяет искусственному интеллекту разрабатывать методики расследования отдельных видов общественно опасных деяний» [18, с. 10].

Мы можем уже говорить о направлениях деятельности следователя, где обнаруживает себя симбиоз «человеческого мышления» и «искусственного интеллекта», который реализуется (как говорилось выше) исключительно в процессе мышления, и желательно для его контроля и управления им, чтобы это было именно человеческое мышление. Перечислим лишь некоторые направления «участия» искусственного интеллекта в деятельности следователя: оценка исходной информации по уголовному делу в целях выдвижения следственных версий, и определения основных направлений их проверки; анализ больших объемов информации из баз данных, созданных человеком с целью выявления сведений, имеющих значение для расследования преступлений; сбор, анализ, отслеживание потока информации необходимой для деятельности следователя, в целях предупреждения преступности и т.д.

По мнению Д.А. Кравцова, последнее направление одно из самых эффективных, но «может вызывать во-

просы о конфиденциальности и т.п.» [19, с. 110]. Как считают М.Д. Лебедев и С.А. Саввоев, «технологии искусственного интеллекта активно внедряют в систему видеонаблюдения в целях выявления и пресечения правонарушений, обнаружения лиц, готовящихся к совершению преступлений или их совершивших» [20, с. 73–77].

Многообразие направлений, где возможности искусственного интеллекта применяются в помощь следственной деятельности, связана с установлением лиц причастных к совершению преступлений. Начиная с 2019 г. с помощью системы видеонаблюдения, использующей биометрическую идентификацию в рамках программного комплекса «Безопасный город», было раскрыто более 3 тысяч преступлений. Но как мы понимаем для того чтобы сопоставить конкретное лицо из видеопотока, с имеющимися в базе изображениями лиц, находящихся в розыске, необходима предшествующая деятельность правоохранительных органов по формированию этой базы и совершенная система идентификации, не только по лицу, но также по радужной оболочке глаза, табуировкам, и даже голосу.

Нам полезен имеющийся опыт первой четверти 21 века других стран, где в Голландии с использованием нейротехнологий, искусственный интеллект помогает подготовить уголовное дело для осуществления производства по нему путем изучения и анализа документации и уличающих обстоятельств. В Англии используют достижения искусственного интеллекта, учитывая, что при расследовании преступлений очень часто приходится сталкиваться с большим массивом информации в целях установления обстоятельств, имеющих значение по делу. Работа робота «АСЕ» состояла в анализе массива дан-

ных, более 600 000 различных текстовых файлов в день, что, безусловно, не способен сделать мозг человека.

Разработанные и используемые нейротехнологии уже способны «считывать» информацию с видимых характеристик объекта исследования, такие как биометрические данные человека, совокупность вербальных и невербальных характеристик (электронный профайлер). Существующая сегодня фоноскопическая регистрация голоса одновременно с фотоизображением лица предусмотрена в единой биометрической системе (оператор и разработчик — «Ростелеком»), «которая в соответствии с последними законодательными изменениями переводится в статус государственной информационной системы» [21, с. 180–182]. Все перечисленные системы скорее более активно используются оперативными сотрудниками, чем самими следователями, и в большинстве ОВД, кабинеты следователя даже не

оборудованы «зеркалом Гезелла», а в момент проведения следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших или свидетелей не ведется видеосъемка для повторного просмотра процесса следственного действия, с целью выявления в показаниях ключевой информации.

Современные следователи должны владеть знаниями о психике человека, в частности психики несовершеннолетнего и о его возрастных особенностях, для того чтобы в первую очередь самим «считывать» с участника предварительного следствия поведенческую, невербальную и вербальную информацию для установления с ним психологического контакта на весь период следствия, а уже потом прибегать к возможностям искусственного интеллекта, который способен быстро обработать данные, при этом мы считаем, что направление поиска необходимой информации для поисковых систем определяет сам человек.

Список использованной литературы

1. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. — Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. — 536 с.
2. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология : учебник / Г.Г. Шиханцов ; отв. ред. В.А. Томсинов. — Москва : Зерцало, 1998. — 344 с.
3. Гросс Г. Руководство для следователей как система криминалистики / Г. Гросс. — Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1908. — XXVIII, 1040 с.
4. Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении / Н.П. Яблоков. — EDN UEBRRZ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. — Томск, 2012. — С. 156–159.
5. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. — Москва : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.
6. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология : учеб. пособие / Ю.В. Чуфаровский. — Москва : Право и Закон, 1997. — 320 с.
7. Бахтеев Д.В. Понятие и признаки криминалистического мышления / Д.В. Бахтеев. — DOI 10.19073/2658-7602-2019-16-2-216-222. — EDN ZYYCZV // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — Т. 16, № 2. — С. 216–222.
8. Журавлев С.Ю. Криминалистический стиль мышления: методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий / С.Ю. Журавлев. — EDN XTGVRJ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 127–132.
9. Соколов А.Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание / А.Б. Соколов. — EDN RTHKVZ // Педагогика в правоохранительных органах. — 2013. — № 4 (55). — С. 68–72.

10. Шамшиев П.А. Взгляды на содержание криминалистического мышления / П.А. Шамшиев. — EDN USRJWX // III Балтийский юридический форум «Закон и порядок в третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 19 дек. 2014 г. — Калининград, 2015. — С. 215–217.

11. Шутемова Т.В. Создание теории криминалистического мышления — осознанная необходимость / Т.В. Шутемова. — EDN VGAQYH // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22 дек. 2015 г. — Москва, — 2015. — С. 128–125.

12. Волчецкая Т.С. Российский и американский подходы к изучению феномена «криминалистическое мышление» / Т.С. Волчецкая, П.А. Шамшиев, Е.В. Краснов. — EDN RCNJKD // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — № 9. — С. 93–100.

13. Walder H. Kriminalistisches Denken / H. Walder. — Heidelberg, 2009. — 277 S.

14. Ray D. Information-gathering Strategies: The Investigative Mindset / D. Ray // Mediacentar_online. — 2007. — 11 December. — URL: <https://www.media.ba/en/journalism-techniques-strategic-communication-campaigns-investigative-journalism-communications-1>.

15. Тихомиров О.К. Информатика и новые проблемы психологической науки / О.К. Тихомиров // Вопросы философии. — 1986. — № 7. — С. 39–52.

16. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д.В. Бахтеев. — EDN XSESHB // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 2 (104). — С. 43–49.

17. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? / А.Ю. Афанасьев. — EDN XQRDED // Библиотека криминалиста. — 2018. — № 3 (38). — С. 28–34.

18. Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике / В.Б. Вехов. — EDN WYMZOR // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 3-2. — С. 8–11.

19. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности / Д.А. Кравцов. — EDN XUMKUH // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 3. — С. 108–110.

20. Лебедев М.Д. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений / М.Д. Лебедев, С.А. Саввоев. — EDN RLHGZO // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 7 (47). — С. 73–77.

21. Бочкарёва И.А. Интеграция биометрии в оперативно-розыскную деятельность для идентификации преступников / И.А. Бочкарёва. — EDN CDLPCD // Молодой ученый. — 2024. — № 26 (525). — С. 180–182.

References

1. Teplov B.M. *Problems of Individual Differences*. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1961. 536 p.
2. Shikhantsov G.G.; Tomsinov V.A. (ed.). *Legal Psychology*. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 344 p.
3. Gross H. *Guidebook for Investigators as a System of Criminalistics*. Saint Petersburg, N.K. Martynov Publ., 1908. XXVIII, 1040 p.
4. Yablokov N.P. On the Issue of Forensic Thinking. In *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood*. Tomsk, 2012, pp. 156–159. (In Russian). EDN: UEBRRZ.
5. Ratinov A.R. *Court Psychology for Investigators*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 352 p.
6. Chufarovskii Yu.V. *Legal Psychology*. Moscow, Pravo i Zakon Publ., 1997. 320 p.
7. Bakhteev D.V. The Concept and Features of Criminalistics Thinking. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 216–222. (In Russian). EDN: ZYYCZV. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-2-216-222.
8. Zhuravlev S.Yu. Criminalistic Thinking Style: Methodological Content and Correlation with Qualification Understanding of the Events under Investigation. *Yuridicheskaya nauka i*

praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2018, no. 2, pp. 127–132. (In Russian). EDN: XTGVR.

9. Sokolov A.B. Criminalistics Thinking: Notion and Contents. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2013, no. 4, pp. 68–72. (In Russian). EDN: RTHKVZ.

10. Shamshiev P.A. Views on the Content of Forensic Thinking. In *III Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". Materials of the International Scientific and Practical Conference. Kaliningrad, December 19, 2014*. Kaliningrad, 2015, pp. 125–129. (In Russian). EDN: USRJWX.

11. Shutemova T.V. Creating a Theory of Forensic Thinking – a Conscious Need. In *Modern Criminology: Problems, Trends, Prospects. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 22, 2015*. Moscow, 2015, pp. 128–132. (In Russian). EDN: VGAQYH.

12. Volchetskaya T.S., Shamshiev P.A., Krasnov Ye.V. The Russian and American Approaches to Studying the Phenomenon of "Investigative Mindset". *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2013, no. 9, pp. 93–100. (In Russian). EDN: RCNJKD.

13. Walder H. *Kriminalistisches Denken*. Heidelberg, 2009. 277 S.

14. Ray D. Information-gathering Strategies: The Investigative Mindset. *Mediacentar_online*, 2007, December 11. Available at: <https://www.media.ba/en/journalism-techniques-strategic-communication-campaigns-investigative-journalism-communications-1>.

15. Tikhomirov O.K. Informatics and New Problems of the Science of Psychology. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 1986, no. 7, pp. 39–52. (In Russian).

16. Bakhteev D.V. Artificial Intelligence in Forensic Science: Current State and Application Potential. *Rossiyskoye Pravo: Obrazovaniye, Praktika, Nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2018, no. 2, pp. 43–49. (In Russian). EDN: XSESHB.

17. Afanasyev A.Yu. Artificial Intelligence or Intellect of the Subjects of Detection, Disclosure and Investigation of Crimes: What Will Win? *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2018, no. 3, pp. 28–34. (In Russian). EDN: XQRDED.

18. Vekhov V.B. Automated Methods of Crime Investigation as a New Direction in Forensic Technology. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2016, no. 3-2, pp. 8–11. (In Russian). EDN: WYMZOR.

19. Kravtsov D.A. Artificial Intelligence: Crime Prevention and Prediction. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3, pp. 108–110. (In Russian). EDN: XUMKUH.

20. Lebedev M.D., Savvov S.A. The Use of Artificial Intelligence in the Investigation of Crimes. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki = Skiff. Questions of Student Science*, 2020, no. 7, pp. 73–77. (In Russian). EDN: RLHGZO.

21. Bochkareva I.A. Integration of Biometrics into Operational Investigative Activities for Identification of Criminals. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2024, no. 26, pp. 180–182. (In Russian). EDN: CDLPDC.

Информация об авторе

Лебедева Юлия Вениаминовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Author Information

Lebedeva, Yuliya V. — Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Department of Criminal Law and Process, Siberian Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 07.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.03.2025

Принята к публикации / Accepted 21.05.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 26.06.2025